ЕВГЕНИЙ КРОТКОВ

ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС

«Странности» философского дискурса начинаются с семантики терминов его тезауруса, таких, к примеру, как «бытие», «дух», «субстанция», «знание», «истина», etc. Универсумом философского дискурса не является множество индивидов (предметов), наличие которого постулируется системой логического анализа языка. Его концепты не принадлежат к разряду конкретно-научных понятий: для языка философии не типичны общие высказывания. К примеру, логическая форма высказывания «Человек – разумное существо» не эквивалентна результату его формально-логической реконструкции в языке традиционной силлогистики «Все *S* суть *P*». Иногда полагают: слово «человек» в философском контексте представляет «человека как такового», «человека вообще», «сущностного человека», а не действительных (конкретных) людей. В этом плане философские концепты аналогичны по своей природе идеально-типическим образованиями. Идеальный тип «не дает…изображения действительности, но представляет необходимые для этого средства выражения» (М.Вебер).

Философский дискурс конструирует категориальное пространство мышления-говорения о мире, о положении и роли человеке в нем, и «координатами» этого пространства являются предельно общие понятия – категории, или концепты. Имея статус «несущих конструкций», сетка этих категорий является априорным (предпосылочным) условием возможности нефилософского (предметно-содержательного) дискурса. Каждая значительная философия задает свою категориальную «геометрию» мышления, перестраивает предшествующую, вводя в неё новые концепты. Так, Платон ввел координатную систему, в которой эмпирические объекты обрели сверхприродное онтологическое основание. Р.Декарт своим cogito «перелицевал» эпистемологические координаты объективного, субъективного и достоверного: достоверность субъективно данного (т.е. мышления) оказалась в них условием признания существования внешнего мира. И.Кант реконструировал новоевропейское мышление введением координат «ноуменальное – феноменальное», «аналитическое – синтетическое», «априорное – апостериорное». В этом и состоит одна из задач философии: формировать концепты (Ж.Делез, Ф.Гваттари); создавать принципиально новые категориальные смыслы (В.С.Степин); выделять разнообразные «планы» (аспекты) бытия и познания (природный - культурогенный, материальный - духовный, чувственный - рациональный, сущий – должный, и т.п.).

Авторский философский текст во многом представляет собой реакцию («ответ») на тематически близкие тексты, созданные ранее другими философами. Этот ответ может состоять в частичной идентификации с содержанием «внешнего» текста, в ассимиляции его проблемного поля, либо в

полном дистанцировании от него. Фрагменты предпосылочных текстов приобретают в авторском тексте нередко иной (иногда – противоположный) смысл, в их содержании может измениться акцентуация (что было несущественным, становится главным, или наоборот). Одна из целей имплантирования части чужого текста в авторский состоит в использовании ее в качестве аргумента к авторитету.

Изложенное дает основание для выделения двух типов философской аргументации: монологовой и диалоговой. Доводы в монологовой стилизации имеют своей интенцией содержание создаваемых философских концептов («Истина аподиктических суждений имеет внеопытное происхождение, ибо опыт, в силу его конечности…»). Доводы в диалоговой стилизации обычно формулируются в виде пропозициональных установок («Уже Лейбниц полагал, что истина аподиктических суждений имеет внеопытное происхождение…»), причем автор интерпретирует содержащиеся в них высказывания таким образом, чтобы их смысл можно было либо частично идентифицировать со своей точкой зрения, либо превратить в объект для критики.

Далее, авторский текст строится с учетом виртуальной встречной позиции, т.е. возможной реакции на него других философов. Автор «просчитывает» возможные pro и contra, иногда специально инсценируя диалоги «филонусов» с «гиласами», или же вступает в диалог с безликими возможными оппонентами («Мне могут возразить, что…») и единомышленниками («Меня поймут те, кто…»), попутно разъясняя и уточняя свою позицию. Это способствует обретению создаваемым текстом «иммунитета» от возможной критики и «позволяет контролировать то, что не поддается контролю, а именно будущую рецепцию» авторского текста (Дж. Уэйт).

Наконец, автор текста не отдает себя на «полную и окончательную волю наличным и близким адресатам», апеллируя к некоему «нададресату» (М.М.Бахтин). Консонанс ratio философа с его existentia - в этом мы усматриваем данную «диалогему» авторского мировоззренческого дискурса. Не без оснований В. Дильтей считал «великие жизненные настроения» («жизнеощущение», «чувство жизни»), такие, к примеру, как оптимизм и пессимизм, фундаментом, «подпочвой развивающихся на их основе мировоззрений». Психологическое объяснение такого рода «фундированности» метафизических построений содержится в известном положении Л.С.Выготского о том, что «мысль рождается…из мотивирующей сферы нашего сознания, которая охватывает наше влечение и потребности, наши интересы и побуждения, наши аффекты и эмоции».

Различия в «жизнеощущениях» авторов мировоззренческих дискурсов находятся в коррелятивной связи с фактом разнообразия достаточно развитых мировоззрений, вступающих, по выражению В.Дильтея, «в борьбу между собой за власть над душой». По этой причине не существует аргументативного преимущества ни у одной из мировоззренческих позиций, поскольку картина «мира в целом» – сугубо метафизический конструкт, и лишь какие-то его фрагменты заимствованы из дискурса повседневности и научных знаний,

однако и они достаточно вольным образом вынесены за границы верификационного потенциала человечества. В подобных вещах «не так много значит мудрствование, как искреннее признание бессилия нашего разума» (И.Кант). В этой связи мысль о том, что в споре рождается истина, менее всего может быть отнесена к философскому дискурсу. Спор уместен разве что между приверженцами одной и той же философской доктрины, т. е. внутри «школы», что позволяет уточнить и сделать более прозрачными ее фундаментальные идеи и принципы, но крайне редко приводит к отказу от них или же их существенному изменению.

«Несоизмеримость» конкурирующих философских дискурсов объясняет тот факт, что историко-философский процесс не привел к возникновению некоего «унитарного», т.е. общепризнанного теоретического мировоззрения, сравнимого, скажем, с естественнонаучным воззрением на мир. Последнее, разумеется, время от времени существенно изменяется, однако приходящая на смену новая картина мира аккумулирует (усваивает, перерабатывает) своих предшественников таким образом, что обращение к ним становится уместным лишь в историческом плане. В отношении философских мировоззренческих систем ситуация существенно иная: каждая из них, созданных в прошлом, может оказаться востребованной в неменьшей степени, чем те, которые по времени номинируются как современные.

Плюрализм как атрибут философского дискурса не означает, что в нем «допустимо все». Важнейшим (хотя и не единственным) ориентиром для философского дискурса как рационального предприятия является его дефинитивная корректность («прозрачность» смыслового значения) и логическая когерентность. «Общий язык разума следует использовать, так сказать, без шифров, использовать, прежде всего, как средство рациональной коммуникации» (К.Поппер). Однако дефинитивная корректность и логическая когерентность не устраняют контроверз в отношениях между философскими учениями. Как правило, философ создает свои тексты не для того, чтобы переубедить (опровергнуть) оппонентов: аргументы в его дискурсе призваны восполнять, разъяснять содержание его философских убеждений либо демонстрировать их несовместимость с иными убеждениями.

Список литературы:

Вебер М. Объективность познания в области социальных наук и социальной политики / Культурология. XX век. М., 1995.

Уэйт Дж. Политическая онтология //Философия Мартина Хайдеггера и современность. М., 1991.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.

Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // Культурология. XX век. Антология.

Выготский Л.С. Педагогическая психология. М., 1991.

Кант И. Трактаты и письма. М.,1980.

Кротков Е.А., Носова Т.В. О природе философского (метафизического) дискурса // Эпистемология и философия науки. № 3, 2009.

Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.2. М., 1992.